

А.В. ШАЛАК

## СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (1940-е—конец 1950-х гг.)

В настоящее время существует определенная ясность по вопросу общей численности спецпоселенцев Восточной Сибири в период с начала 1940-х до конца 1950-х гг. Однако, несмотря на широкий круг публикаций, различные аспекты проблемы требуют более глубокого и основательного изучения. Недостает исследований по выявлению географии спецпоселений в разрезе регионов, динамике движения спецпоселенцев по отдельным территориям и выявлению их причин, проблемам труда, быта, материального обеспечения спецпоселенцев, их вкладу в социально-экономическое развитие отдельных территорий и др. Не изученной остается технология осуществления депортаций: обоснование, подготовка, организация и осуществление. Особенно трудной для исследователей является проблема условий жизни переселенных групп в новых местах проживания.

Решение этих проблем возможно только на основе детально поиска, изучения и обобщения соответствующего материала в региональных государственных архивах, а также ведомственных архивах региональных управлений МВД и ФСБ. Документы, которые хранятся в архивах МВД и ФСБ до сих пор не систематизированы. Кроме того «спецпереселенцев» часто перебрасывали из одного региона в другой, и, соответственно, все документы на них передавались со спецкомендатурами. Это же имеет отношение и к репатриированным в послевоенный период гражданам. Поэтому установить, какое количество «спецпереселенцев» проживало в тот или иной период времени на территории конкретного административно-территориального района весьма не просто.

Общая динамика движения спецпоселенцев по Восточной Сибири в исследуемый период характеризуется следующими данными. Спецпоселенцами в начале обозначенного периода являлись в основном представителями раскулаченного крестьянства («кулацкая ссылка» или «трудпоселенцы»). На 1 октября 1941 г. их численность в Восточной Сибири составляла 101 232 чел. Почти для 11% от общей численности «трудпоселенцев» по стране местом проживания был определен данный регион. Около 40 тыс. чел. из них — это дети и подростки до 16 лет, и почти 22 тыс. — женщины<sup>1</sup>.

Следует отметить, что сокращение спецпоселенцев Восточной Сибири началось с контингента «бывшие кулаки» еще в предвоенный период. В соответствии с постановлением СНК СССР от 22 октября 1938 г., снимались с учета спецпоселенцев дети «бывших кулаков», достигшие 16-летнего возраста. Эта мера не распространялась на лиц, относившихся по национальному признаку к депортированным народам. С апреля 1942 г. трудпоселенцев начинают призывать в армию. Уже к 1 ноября 1942 г. было мобилизовано в армию из трудпоселенцев Красноярского края 3231 чел., из Иркутской области — 2308, Читинской — 803 чел.<sup>2</sup> Именно по этой причине численность трудпоселенцев стала сокращаться.

К началу 1943 г. численность этой категории спецпоселенцев сократилась до 82 337 чел., а затем в течение года уменьшилась еще на 10% и составила на начало 1944 г. 74 100 чел.<sup>3</sup>

Массовое освобождение этой категории спецпоселенцев начинается уже в послевоенный период. За период с августа 1946 г. по январь 1952 г. на основании ходатайств местных партийных и советских органов спецпоселенцы контингента «бывшие кулаки» были почти полностью (за исключением немцев, калмыков, чеченцев и лиц некоторых других национальностей) сняты со спецучета. Всего по этим постановлениям в Восточной Сибири получил освобождение 57 831 чел.<sup>4</sup>

Несмотря на крупномасштабное освобождение спецпоселенцев контингента «бывшие кулаки», общая численность спецпоселенцев не только не уменьшалась, но из года в год неуклонно росла за счет других групп спецпоселенцев. Восточная Сибирь стала основным местом дислокации депортированного польского населения. Расселяли польских спецпоселенцев в регионе только в Красноярском крае (14 788 чел.) и Иркутской области (2914 чел.). Всего в Восточной Сибири было расселено на 1 апреля 1941 г. почти 55,5% депортированного польского населения. При этом большая часть польских спецпоселенцев, проходивших по категории «осадники», расселялась в Красноярском крае (всего 13 339 чел.), а в Иркутской области была расселена большая часть причисленных к категории «беженцы» (2321 чел.)<sup>5</sup>.

В мае–июне 1941 г. наступил черед «антисоветского элемента», проживающего в Литве, Латвии, Эстонии, Молдавии, Западной Украины и Белоруссии. В конце августа 1941 г. началось выселение немцев из Поволжья и других регионов страны, за исключением немцев, проживающих в Сибири, на Урале, Средней Азии и Казахстане. В декабре 1943 г. было принято решение о высылке калмыков (более 90 тыс. чел.), в мае–июне 1944 г. аналогичное решение принимается в отношении крымских татар.

В 1944–1945 гг. появилось два новых контингента спецпереселенцев — «фольксдойчи» и «немецкие пособники». Но это были не сами «пособники» (они находились в лагерях), а члены их семей.

С весны 1944 г. из Западной Украины стали выселять бандеровцев и прочих украинских националистов. Местами их высылки стали Красноярский край, Иркутская и Омская области. По этим обстоятельствам общая численность лиц, находящихся на спецпоселении в Восточной Сибири, в годы войны росла. На начало 1945 г. их численность по Восточной Сибири составила 164 675 чел.<sup>6</sup>

В послевоенный период появились новые группы спецпоселенцев. Репатриированные советские граждане из Германии и других стран Европы, относившиеся по этническому признаку к депортированным народам, также направлялись на спецпоселение. Демобилизованные воины из Красной Армии, прибывшие к своим родственникам-спецпоселенцам, ставились на учет спецпоселений, но с правом выбора места жительства и работы в пределах данной области, а также с правом перевозить свои семьи из других мест спецпоселений.

В 1946 г. появился новый, довольно значительный контингент спецпереселенцев под названием «власовцы». Распоряжением Совета Министров СССР от 29 марта 1946 г. сроком на 6 лет переводились на спецпоселения власовцы, лица, служившие в строевых формированиях немецкой армии, легионеры и полицейские из проверочно-фильтрационных лагерей НКВД-МВД. В контингент «власовцев» включалась часть побывавших в плену советских офицеров.

Основной поток депортированных в течение 1946–1952 гг. шел из Западной Украины, Прибалтики, Правобережной Молдавии, Закарпатья. Большая часть непосредственно выселенных из Литвы (всего 47 534 чел.) была расселена в Красноярском крае (23 467 чел.), Иркутской области (11495) и БМАССР (4038)<sup>7</sup>.

С 1948 г. на спецпоселении появляется новый контингент — крестьяне-«указники». 21 февраля 1948 г. СМ СССР принял постановление «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». Через несколько месяцев «украинский опыт» распространяется на всю страну. 2 июня 1948 г. был принят указ Президиума ВС СССР «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». Срок высылки — 8 лет. Решение о выселении выносилось колхозными собраниями, решения которых утверждалось райисполкомами.

По состоянию на 1 января 1949 г. численность спецпоселенцев в Восточной Сибири в связи с освобождением спецпоселенцев контингента «кулацкая ссылка», несколько сократилась и составляла 158 515 чел. Основная их часть проживала в Иркутской области и Красноярском крае (почти 145 тыс. чел.). По численности наиболее крупными группами спецпоселенцев являлись выселенные немцы (63 270 чел.), литовцы (38 593 чел.), калмыки (16 470 чел.), власовцы (18 808 чел.), «оуновцы» (15 284 чел.), колхозники, высланные по указу от 2 июня 1948 г. (5 916 чел.)<sup>8</sup>.

Своего пика численность спецпоселенцев в регионе достигла к 1953 г., когда их общее количество составило 267 509 чел. Не изменилась и география расселения. По-прежнему большинство контингента проживало в Красноярском крае и Иркутской области (более 243 тыс.). По-прежнему по численности преобладали немцы, выселенные из Прибалтики, калмыки, «власовцы», «оуновцы», «указники»<sup>9</sup>.

Процесс ликвидации спецпоселенчества начался в середине 1954 г. На 1 января 1959 г. в Иркутской области осталось 8292 спецпоселенцев, Красноярском крае — 5619, в Читинской области — 915, в Бурятской АССР — 496<sup>10</sup>. Общая численность оставшихся спецпоселенцев в Восточной Сибири составляла 15 322 чел., что почти в четыре раза было меньше аналогичного показателя предыдущего года, а в сравнении с данными на 1 января 1953 г., численность поселенцев уменьшилась в 17,5 раз. Из числа спецпоселенцев оставались на территории региона те, на которых имелись наиболее серьезные материалы, в отношении их деятельности, как правило, в годы Великой Отечественной войны. Профилактическая работа с ними после детальной проверки продолжалась до середины 1960-х гг. Спецпоселения как таковые к этому времени прекратили свое существование на территории региона.

Из всех групп спецпоселенцев наиболее четко регламентировалось правовое положение контингента «кулацкая ссылка». Трудпоселенцы пользовались всеми правами граждан СССР, за исключением запрета выезда из мест поселения. Кроме того, административно-управленческий персонал трудссылки также содержался за их счет. На эти нужды удерживалось 5% заработной платы трудпоселенцев. Интересно отметить и такую деталь: статус трудпоселенца спасал от призыва в армию и отправки на фронт в начальный период войны. Только с апреля 1942 г. по решению ГКО трудпоселенцев начинают призывать на военную службу, а членов семьи призванных в армию с октября 1942 г. снимают с учета трудссылки, выдают паспорта и освобождают от уплаты 5% сбора на содержание аппарата спецпоселений. В соот-

ветствии с приказом МВД ССР и прокуратуры СССР от 28 сентября 1946 г. «О порядке освобождения из спецпоселения бывших кулаков», началось массовое освобождение этой категории спецпоселенцев. Освобождению подлежали имеющие детей в рядах Красной армии, участники Отечественной войны; награжденные правительственными наградами, а также женщины, вступившие в брак с переселенцами.

Правовой статус переселяемых народов первоначально не оговаривался. Все немецкое население было мобилизовано через военкоматы и направлено на работы в ведущие отрасли промышленности. До конца 1945 г. они находились в специальных зонах по месту работы. Всего за годы войны в них работало свыше 400 тыс. немцев. По своему статусу они считались трудармейцами, и для них трудовая мобилизация являлась альтернативой воинской службы. После окончания войны выселенные немцы были взяты на учет спецпоселений по месту работы.

Юридический статус переселенных народов был определен постановлением СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев» только 8 января 1945 г. Первый пункт постановления декларировал: «Спецпереселенцы пользуются всеми правами гражданина СССР, за исключением ограничений, предусмотренных данным Постановлением». Указом Президиума ВС СССР от 26 ноября 1948 г. депортированные во время войны народы были отнесены к категории спецпоселенцев, выселенных навечно. Таким образом, они наделялись всеми правами граждан СССР, за исключением запрета выезда из мест поселения. За побег из мест высылки предусматривалось 20 лет каторжных работ. Постановлением СМ СССР от 6 апреля 1950 г. пятилетний срок высылки «оуновцев» также заменялся пожизненным. Репатриированные советские граждане из Германии и других стран Европы, относившиеся по этническому признаку к депортированным народам, также направлялись на спецпоселение. Демобилизованные воины из Красной Армии, прибывшие к своим родственникам-спецпоселенцам, ставились на учет спецпоселений, но с правом выбора места жительства и работы в пределах данной области, а также с правом перевозить свои семьи из других мест спецпоселений.

В 1946 г. появился новый, довольно значительный контингент спецпереселенцев под названием «власовцы». Распоряжением Совета Министров СССР от 29 марта 1946 г. сроком на 6 лет переводились на спецпоселения власовцы, лица, служившие в строевых формированиях немецкой армии, легионеры и полицейские из проверочно-фильтрационных лагерей НКВД-МВД. В контингент «власовцев» включалась часть побывавших в плену советских офицеров. Спецпоселенцы

«власовцы» из числа немецкой, калмыцкой, чеченской, ингушской, балкарской, карачаевской, греческой национальности и крымских татар переводились на спецпоселение навечно, остальные — на 6 лет. Однако после отбытия этого срока часть власовцев русской и украинской национальностей, занятых на незавершенных строительных объектах, была временно оставлена на учете спецпоселений. В случае побега они приговаривались к 20-ти годам каторжных работ. Ограничения коснулись и «власовцев», работающих в золотодобывающей, нефтяной, угольной промышленности. После освобождения из мест спецпоселения они дополнительно закреплялись за предприятиями министерств внутренних дел, угольной, нефтяной промышленности в качестве вольнонаемных рабочих и служащих сроком на три года. В Восточной Сибири эти ограничения имели отношение к «власовцам», работающих в угольной промышленности Читинской области.

Следует отметить, что наиболее либерально советская власть поступила с «власовцами». По законам военного времени им грозила смертная казнь с конфискацией имущества, однако их даже не привлекли к уголовной ответственности, ограничив наказание шестью годами высылки. Так «жестоко» поступила власть с предателями, с теми, кто изменил присяге и с оружием в руках боролся против Красной армии.

Переселение в Восточную Сибирь довольно крупного контингента спецпоселенцев происходило в период, когда условия жизни населения резко ухудшились. Возможности местных органов власти по обустройству их быта оказались предельно ограниченными. Центральные органы власти приняли целый ряд постановлений, предусматривающих выделение серьезной помощи, особенно для переселяемых этнических групп. Однако местные органы власти, на которых ложилось выполнение данных решений не обладали необходимыми ресурсами, что бы оказать более или менее серьезную помощь спецпоселенцам по обустройству своей жизни. Не смотря на это, в целом можно констатировать, что все категории депортированных в экстремальных для себя условиях продемонстрировали высокие адаптационные способности.

В середине 1940-х гг. в материально-бытовом положении наиболее предпочтительно выглядели бывшие кулаки, которые имели возможность адаптироваться к новым условиям в наиболее благоприятный и достаточно длительный период. В документе Отдела спецпоселений НКВД СССР, подписанном 2 января 1946 г. начальником этого отдела М.В. Кузнецовым, отмечалось: «...наиболее устроенными в хозяйственно-бытовом отношении являются бывшие

кулаки. Значительное количество из них размещено в спецпоселках, имеют собственные дома, надворные постройки, скот, сельхозинвентарь. Семьи материально обеспечены и особой нужды не имеют»<sup>11</sup>.

Из депортированных народов лучше других сумели адаптироваться в местах ссылки немцы. Среди них было немало квалифицированных инженеров, рабочих, техников, агрономов, врачей и др. специалистов, которых охотно принимали на работы с неплохим заработком и гарантированным продовольственным пайком, достаточным, чтобы спасти себя и свои семьи от голодной смерти. Немцы также быстрее и лучше других смогли освоить систему ведения сельского хозяйства в местах проживания. Предприимчивость и трудолюбие немцев быстро превращало их в наиболее цивилизованный слой в хозяйственной жизни регионов. Однако процесс их адаптации к суровым сибирским условиям после переселения шел совсем непросто. Например, в Красноярский край было отправлено с сентября 1941 г. по декабрь 1942 г. около 108 тыс. чел. Основную часть их разместили в колхозах и совхозах, относящихся к системе НКВД, на предприятия лесной и рыбной промышленности<sup>12</sup>. В докладной записке прокурора Красноярского края в декабре 1943 г. отмечалось, что присланный для рыбоводычи спецконтингент немцев из Поволжья в количестве 1272 чел. в Ярцевский район Красноярского края на рыбной добыче не работает, ведет нищенский образ жизни, в мороз они ходят разутыми и раздетыми, голодают старики и дети. На этой почве процветали кражи овощей, продуктов у населения, в колхозах, что враждебно настроивало проживающих здесь жителей по отношению к ним<sup>13</sup>.

В новых местах проживания они могли рассчитывать только на централизованно выделяемые фонды. По этим фондам, например, рабочим Беретского механизированного лесного пункта и Даурского леспромхоза Красноярского края выделили на месяц по полторы банки рыбных консервов, 227 г растительного масла и 1264 г крупы<sup>14</sup>. И если рабочие, проживающие здесь, могли опираться на личное подсобное хозяйство, то у «спецпоселенцев» такой возможности не имелось. Вследствие полуголодного существования только половина «спецпереселенцев», работавших на лесоповале, демонстрировала более или менее производительный труд. Остальные были способны лишь к легким, вспомогательным работам<sup>15</sup>.

Значительная часть немцев-«спецпереселенцев» в течение 1943–1944 гг. была переброшена из Красноярского края в Бурят-Монгольскую АССР. Всего в эту автономную республику прибыло более 2000 немцев<sup>16</sup>. Их труд использовался на строительстве Джидинского вольфрамо-молибденового комбината, рудниках, лесозаготовках.

Условия труда были крайне тяжелыми. Производственные нормы на лесоповале составляли 10 куб. м, что в четыре раза превышало установленные для других категорий работников лесной промышленности нормы<sup>17</sup>.

Примерно в таком же положении оказались и переселенные калмыки. Из 4 млн р., выделенных для них на жилищное строительство, было использовано всего 91 тыс. р. (2,3%). Под эти средства просто не выделили строительные материалы. Из подлежащих к выдаче 5702 голов скота выдано 1500, из 459 т зерна — 310 т<sup>18</sup>. На этой разовой помощи все и закончилось. Особенно сказывалось отсутствие мяса, соли, чая, ранее употребляемых калмыками в большом количестве. В Хакасской автономной области в течение 1944 г. был размещен 4391 чел. «спецпереселенцев»-калмык. Проживали они в полуземлянках, в которых, кроме топчанов и грубо сколоченных столов, не имелось никакого инвентаря. Строительство домов велось лишь в отдельных районах, да и то это были глинобитные, земляные и лишь частично деревянные жилища<sup>19</sup>.

Оторванным от родных очагов «спецпереселенцам» было чрезвычайно трудно адаптироваться на новом месте. Скудная материальная база не позволяла существенно улучшить их положение. Организационные же мероприятия местных органов власти, детально расписанные, но не подкрепленные материально, были малоэффективными. Какой-либо серьезной помощи «спецпереселенцам» не оказывалось. Тем не менее определенные изменения в материально-бытовом положении немцев-«спецпереселенцев» начали происходить. Они стали получать продуктовые и промтоварные карточки, а также заработную плату наравне с вольнонаемными работниками. Руководители предприятий, заинтересованные в закреплении квалифицированной рабочей силы, стали предоставлять им жилье. Однако в конце 1940-х гг. политика в отношении выселенных народов вновь становится предельно жесткой. 6 ноября 1948 г. был принят указ «Об ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». Указом устанавливалось, что выселенные граждане остаются в своем статусе навечно, а за побег наказываются 20 годами каторжных работ.

Следует также отметить, что репрессии коснулись не только отдельных народов, проживающих вне Сибири. В октябре 1941 г. все представители других национальных групп, проживающих на территории Советского Союза, были лишены гражданства СССР, у них отбирались паспорта и выдавался «вид на жительство». В соответс-

твии с этим решением эти лица, как не имеющие прав гражданства СССР исключались из членов ВКП(б) и снимались с любой руководящей работы. Аналогичные дела рассматривались и партийными комитетами Восточной Сибири, но архивные материалы не позволяют отследить дальнейшую судьбу этих людей<sup>20</sup>.

В послевоенный период в таком же положении на территории Восточной Сибири оказались граждане, репатриированные из западных районов страны. В основном они использовались на работах в рудниках, угольной и лесной промышленности. С марта по июнь 1946 г. 734 репатриированных граждан завезли в Мамское рудоуправление, 2366 репатриантов работало на сентябрь 1948 г. тресте «Лензолото». На начало 1948 г. трест «Востсиблес» принял 2266 семей спецпереселенцев (всего 7800 чел.). В соответствии с решением правительства в 1948 г. на предприятия лесной промышленности Иркутской области было направлено еще 2903 семьи «спецпереселенцев», из них 2343 — в трест «Востсиблес» и 560 — в «Иркутскимлес». Только в трест «Кировуголь» в 1947 г. было передано 2300 чел. «спецконтингента» из числа литовцев. В 1948 г. на предприятия лесной промышленности Красноярского края и Иркутской области пришло еще 16 тыс. рабочих с семьями<sup>21</sup>.

Репатриированное население завезли на территорию Восточной Сибири как раз в то время, когда условия проживания здесь были наиболее критическими. Во многих районах региона из-за засухи практически не собрали никакого урожая. Ослабленные войной и задавленные непомерными налогами производительные силы деревни почти не наращивали объемов производства сельскохозяйственной продукции. Одновременно в послевоенный период шел процесс сокращения контингента населения, снабжаемого по карточкам. При таких обстоятельствах обеспечить приемлемые условия выживания для репатриантов было невозможно. Размещали их в наспех приготовленных бараках, землянках, которые не имели ни двойных рам, ни печей. Совершенно отсутствовали столы, кровати, освещение. Большинство людей спало на голых досках, на земляном полу. Подавляющая часть репатриированных граждан не имела теплой одежды, обуви. На работу ходили босиком. Среди них высоким был удельный вес детей, стариков, ибо репатриировались семьями. Они-то и оказались в наиболее тяжелом положении. Голод и болезни уносили в первую очередь детей и стариков. Снабжением репатриантов практически никто не занимался, не имели они и точных сведений о своей заработной плате, нормах выработки. Продолжительность рабочего дня и расценки для них устанавливались аналогично существовав-

шим для остальных рабочих. Зарплату репатриированным положено было выдавать ежемесячно, но из нее удерживалась стоимость их питания, проживания в общежитиях, постельных принадлежностей, охраны, содержания штатского состава. Кроме того 10% заработной платы высчитывалось на централизованные расходы (содержание больных, временно потерявших трудоспособность, и на культурабиту). Заработная плата репатриированным гражданам, работавшим в Мамском рудоуправлении на самой тяжелой работе в забое, выдавалась несвоевременно. В 1947 г. у многих она составляла от 10 до 50 р., в то время как другие рабочие за такой же труд получали до 2 тыс. р. При этом никто из них не имел сведений, почему начислена именно такая заработная плата<sup>22</sup>.

Приведем лишь один пример условий жизни репатриированного населения. В Тайшетском районе по решению правительства в 1946 г. создали артель «Межрайлесхимпросоюз» для работы в ней репатриированных граждан. В октябре этого года в 10 подразделениях артели числилось 804 рабочих и 1091 иждивенец, т.е. неработающих членов семей. До февраля 1947 г. все они вообще ничего не получали. С февраля 1947г. облисполком стал выделять на них лимит хлебных карточек. В феврале выдали 150 карточек на 500 г хлеба, в марте и апреле — 150 карточек на 500 г хлеба и еще 150 по 200 г и 50 карточек по 100 г. Артель к этому времени практически развалилась. Выжившие репатриированные бродили по полям, собирали замерзшую картошку и колоски. Непростым являлось и отношение к ним со стороны руководящих кадров и части населения. Их называли «власовцами», «предателями», «изменниками», «фашистами» и т.п. Смертность среди репатриантов была очень высокой. Практически за считанные месяцы проживания в местах их поселения выросли городки кладбищ<sup>23</sup>. В 1948 г. оставшиеся в живых репатриированные переводились на положение «спецпереселенцев», т.е. определялись на постоянное проживание без права выезда.

Весной 1949 г. «на вечное поселение» в Иркутскую область прибыло 7587 семей литовцев. В начале планировали их всех отправить на работу в сельское хозяйство, однако по прибытии эшелонов с литовцами эти планы пересмотрели. 5326 семей распределили по колхозам области, а 2261 семья была отправлена на работу в промышленность (химлесхозы, лесокombинаты, гидролизные заводы области). Больше всего выселенных семей литовцев направили в Иркутский, Жигаловский, Тулунский, Тайшетский районы (всего 2946 семей). В остальные районы области отправили по 100–300 семей в каждый. Для контроля за выселенными литовцами создава-

лись специальные комендатуры, был проведен по области оргнабор в них из числа членов партии и комсомольцев (всего 210 чел.). В каждом районе создавались комиссии во главе с председателем райисполкома, которые занимались расселением прибывающих по колхозам. В решениях органов власти содержались пункты о подготовке квартир для выселенных, оказании им помощи в приобретении семян, прежде всего картофеля. Вся эта работа перепоручалась колхозам, без какого-либо финансирования и выделения средств из централизованных источников. Поэтому положение выселенных литовцев немногим отличалось от других репатриантов. Большинство семей расселили в амбарах и прочих непригодных помещениях. Часть семей заселили в пустующие дома (по три-четыре семьи в дом), часть — за счет уплотнения в дома колхозников.

Проведенная в ноябре 1949 г. проверка показала, что за полгода условия проживания литовцев не изменились. Выселенные семьи не имели никакой мебели, кроватей, посуды, жили в не пригодных для проживания зимой домах, болели, не выходили на работу. Вместо оказания помощи местные органы власти ограничивались угрозами в адрес председателей колхозов, что если те не наведут порядок, семьи литовцев будут переданы в другие колхозы<sup>24</sup>. Положение не изменилось и в дальнейшем. Отношение к выселенным литовским семьям в колхозах также было непростым. Их ущемляли в наделении земельными участками, сенокосными угодьями, оплате трудодней. Государственные денежные ссуды, выделенные на строительство и ремонт домов для выселенцев, тратились на внутриколхозные нужды. Выселенцам же предлагали купить полусгнившие дома без крыш за 2,5–3,0 тыс. р. Скот и поросят они могли также приобрести только по рыночным ценам, тогда как для своих колхозников они обходились в среднем в два раза дешевле. Спустя почти два года после поселения в Осинском районе из 200 семей литовцев приобрели дома только 22 семьи, имели крупный рогатый скот 13 семей. Из-за сложных жилищно-бытовых условий более 40 семей перевели в другие районы<sup>25</sup>. Такое неприязненное отношение к репатриированным гражданам видно практически по всем документам, где речь идет о них. И это притом, что расселяли их в хозяйствах, испытывавших острую нужду в рабочей силе. Подобный взгляд на репатриированное население вполне объясним. После кровавой войны, гибели родных и близких нелегко было оставаться беспристрастным. Критерии суждений и оценок в то время являлись иными. Основной из них — не заодно ли ты был с врагом? Кроме того, предпочтения политического режима имели не только прагматичный характер, обусловленный

конкретно-исторической обстановкой, но частично были обусловлены и господствующей идеологией. Это особенно ярко проявилось в отношении «спецпереселенцев» и репатриированных граждан. Однако необходимо иметь в виду, что сама психологическая атмосфера военного времени формировала неоднозначное отношение к этим гражданам и со стороны мирного населения.

В официальных документах причины выселения народов в 1930-е—начале 1950-х гг. объясняются стремлением ослабить этническую напряженность в том или ином регионе страны, стабилизировать политическую обстановку, наказать за пособничество фашистам и выступления против советской власти, ликвидировать бандитизм.

Беспристрастный анализ фактов не позволяет усомниться в том, что эти причины имели более чем веские основания. На характер осуществляемых мероприятий в этой области большое влияние оказали чрезвычайная мобилизационная обстановка предвоенного и военного времени. Для обеспечения государственной безопасности большое значение имело достижение социально-политической стабильности в прифронтовой зоне. В этом смысле вряд ли советское государство могло опираться на те слои населения, которые рассматривались как социально, а следовательно, и политически чуждыми. Несомненно, что в такой мобилизационной обстановке фильтрации подвергались и те, кто по своему социальному положению социально-чуждым не мог являться, но они не были и адаптированы к советскому строю, и именно по этой причине их стремились расселить подальше от приграничной зоны.

Анализ той ситуации, которая складывалась в районах проживания выселенных народов, показывает, что у власти были веские основания для подобных действий. Как должно поступать государство, если в годы войны в тылу воюющей армии вспыхивает мятеж? Однако «строптивые народы» не были уничтожены, они были переселены в глубокий тыл и тем самым сохранен генетический код этих этносов. Переселение же иеговистов, «истинно православных христиан», крестьян по Указу 1948 г. и некоторых других категорий вряд ли можно назвать обоснованными.

Одновременно посредством насильственных перенаселений властью решалась проблема освоения необжитых или малообжитых районов страны, выравнивание трудовых и демографических ресурсов между западными и восточными регионами СССР. В этом смысле насильственное переселение определенных групп населения вполне логично вписывается в мобилизационный вариант развития страны, насильственную модернизацию. Спецпоселенцы внесли значительный вклад

в развитие производительных северных и восточных районов страны, что, несомненно, укрепило геополитический потенциал государства.

Другое дело, что власть не имела четкого плана в отношении спецпереселенцев на долгосрочную перспективу. Не было и определенного идеологического обоснования спецпереселений. Не случайно поэтому на все усилия, в основном местных властей, направленные на то, чтобы депортированные «добровольно» остались жить в местах ссылки после их освобождения, не увенчались успехом. В результате проблема спецпоселенцев стала разменной монетой во внутривластной борьбе вначале после смерти Сталина, затем ее использовали для разжигания этнических конфликтов на территории СССР в годы перестройки, а в настоящее время тема «репрессированных народов» используется для разжигания новых конфликтов на территории России.

#### Примечания:

- <sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 189–191.
- <sup>2</sup> Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 103, 139.
- <sup>3</sup> ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 139. Л. 17, 137, 138, 234, 235.
- <sup>4</sup> Там же. Д. 139. Л. 17, 137, 138, 234, 235.
- <sup>5</sup> Там же. Д. 89. Л. 6, 30.
- <sup>6</sup> Там же. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 487. Л. 22.
- <sup>7</sup> Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 17.
- <sup>8</sup> Там же. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 207. Б/л.
- <sup>9</sup> Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 597. Л. 22–68, 130–168.
- <sup>10</sup> Там же. Д. 976. Л. 192.
- <sup>11</sup> Там же. Оп. 12. Д. 157. Л. 107–108.
- <sup>12</sup> ГАКК. Ф.р-2137. Оп. 1. Д. 91. Л. 31; Д. 71. Л. 31.
- <sup>13</sup> ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 4. Д. 52. Л. 64.
- <sup>14</sup> ГАКК. Ф.р-2137. Оп. 1. Д. 91. Л. 31; Д. 71. Л. 31.
- <sup>15</sup> Оп. 4. Д. 36. Л. 278.
- <sup>16</sup> См. Немцы Бурятии / Нархиво Э.П., Голубев Е.А.; ЦНК РБ. Улан-Удэ, 1995. С. 34, 35.
- <sup>17</sup> См. Базаров О.Д., Курос Л.В. Немцы-трудармейцы в Джидалаге // Сибирь в истории и культуре зарубежных стран. Иркутск, 1998. С. 52.
- <sup>18</sup> ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 4. Д. 48. Л. 159–160.
- <sup>19</sup> ЦГАХ. Ф.р-42. Оп. 1. Д. 14. Л. 22–24.
- <sup>20</sup> ЦДНИО. Ф. 159. Оп. 6. Д. 312. Л. 47; Д. 447. Л. 64.
- <sup>21</sup> Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1459. Л. 54; Д. 1466. Л. 15; Ф. 127. Оп. 14. Д. 585. Л. 139; Д. 585. Л. 9, 10, 44, 125.
- <sup>22</sup> Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1466. Л. 15.
- <sup>23</sup> Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1390. Л. 16–20, 54; Д. 1466. Л. 15; Ф. 199. Оп. 3. Д. 74. Л. 25–27; Ф. 127. Оп. 14. Л. 396–397; Д. 4380. Л. 74; Д. 585. Л. 1–12, 44, 125, 139.
- <sup>24</sup> Там же. Ф. 127. Оп. 51. Д. 16. Л. 38; Д. 16а. Л. 11–28.
- <sup>25</sup> ГАИО. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 27. Л. 22–24, 27.